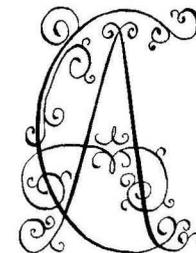

Институт славяноведения РАН

Славянский
АЛЬМАНАХ

1-2 · 2014

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2014

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. И. Вендина, профессор, доктор филологических наук
К. В. Никифоров, доктор исторических наук,
директор Института славяноведения РАН (отв. редактор)
М. А. Робинсон, доктор исторических наук
Н. Н. Старикова, доктор филологических наук
Е. С. Узенева, кандидат филологических наук
А. Л. Шемякин, доктор исторических наук

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Е. П. Аксенова, кандидат исторических наук

Славянский альманах 2014. Вып. 1–2. – М.: Индрик, 2014. – 384 с.

ISSN 2073-5731

«Славянский альманах» отражает основные направления комплексных научных исследований в области славяноведения. Издание включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории славянских народов, общественных и национальных движений, международных отношений, истории славистики, истории культуры, литературы и фольклора, этнолингвистики, древних и современных славянских, балканских и балтийских языков и диалектов. Хронологический охват материалов – от Средних веков до современности. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

The «Slavic Almanac» reflects main trends in complex scholarly research in the Slavic studies. The volume includes articles and materials on topical issues from the history of Slavic nations, political and national movements, history of Slavic studies, history of culture, literature, folklore, ethno-linguistic, ancient and modern Slavic, Balkan and Baltic languages and dialects. Chronologically the articles embrace the period from the Middle Ages to the present day. The volume is addressed to a wide readers' audience.

ISSN 2073-5731

© Институт славяноведения РАН, 2014
© Коллектив авторов, 2014
© Издательство «Индрик», 2014

Содержание

От редколлегии 11

Пленарное заседание

Мельников Г. П. (Москва). Актуальность кирилло-мефодиевской и средневековой тематики в современной Центрально-Восточной Европе 12
Старикова Н. Н. (Москва). Национальная идентичность славянских литератур в эпоху глобализации. Парадокс постмодернизма 22
Плотникова А. А. (Москва). Язык как зеркало народной культуры: этнолингвистические вопросы в полевых исследованиях 34

История

Фролова М. М. (Москва). Русские консулы и болгаро-греческое противостояние в церковном вопросе и на уровне школьного образования (Адрианополь, Варна, Битола. 50–60-е годы XIX в.) 44
Мельчакова К. В. (Москва). Дипломатия и путешествия в неизведанных славянских землях. А. Ф. Гильфердинг и А. С. Ионин на службе в первом русском консульстве в Сараево 61
Аксенова Е. П. (Москва). Н. А. Добролюбов в Праге и студенческие волнения 1860 г. (из неопубликованных рукописей А. В. Флоровского) 74
Галчева Т. Н. (София), Ковалев М. В. (Саратов). «...Чтобы сохранить, собрать и (своевременно) передать будущему». Переписка А. М. Мещерского с А. В. Флоровским (1956–1967) 84
Сергеенко Е. С. (Москва). Отношения албанцев и сербов в Косово в конце XIX – начале XX в. 100
Данилец Ю. В. (Ужгород). К вопросу о подготовке второго Мараморош-Сиготского процесса против православных Закарпатья 110

<i>Гусев Н. С. (Москва). Русские и болгары после Балканских войн: взаимное разочарование</i>	123
<i>Дмитриев Д. Г. (Москва). Поляки на службе в царской армии накануне Первой мировой войны (к вопросу о векторе социальной мотивации)</i>	134
<i>Субаев Р. Р. (Москва). Вступление Турции в Первую мировую войну</i>	142
<i>Поздняков Е. И. (Москва). Югославянская идея во взглядах южнославянских солдат-добровольцев в России</i>	161
<i>Борисенок Е. Ю. (Москва). Из малороссов – в украинцы: большевистская стратегия идентификации национальной принадлежности</i>	171
<i>Волокитина Т. В. (Москва). Болгария во внешней политике СССР в годы Второй мировой войны</i>	187
<i>Кимура К. (Токио – Будапешт), Стыкалин А. С. (Москва). Венгерско-югославянские отношения в 1945 – весной 1948 г.: от примирения к началу нового конфликта</i>	203
<i>Гладышева А. С. (Москва). Румыния в Организации Варшавского договора: от солидарности к конфронтации (1955–1965)</i>	221

История культуры

<i>Лескинэн М. В. (Москва). Записки поляков сарматской эпохи в контексте современных исследований путешествия/травелога в нарративном аспекте</i>	235
<i>Машкова А. Г. (Москва). Человек и история в словацкой прозе 2000-х годов (на примере романов Павла Ранкова)</i>	248
<i>Созина Ю. А. (Москва). История словенской литературы в России – фундаментальные исследования конца XX – XXI в.</i>	258
<i>Федорова М. С. (Москва). К вопросу о типологии женских образов в литературе первой половины XVIII в. (на примере «Повести о царевне Персике»)</i>	267
<i>Смирнова И. Н. (Москва). Женские образы в новейших работах болгарских литературоведов (обзор содержания, тематика, направленность)</i>	275
<i>Агапкина Т. А. (Москва). Символика деревьев в традиционной культуре славян: ива, верба, ракета (род Salix)</i>	283
<i>Валенцова М. М. (Москва). Поверья о змеях и змееподобных демонах в словацкой традиции</i>	303

<i>Коваль-Фучило И. М. (Киев). Погребальное голошение: магия и экспрессия обряда (восточнославянская традиция)</i>	320
--	-----

Языкознание

<i>Скалкина Я. Ю. (Москва). Семантическая классификация неологизмов в болгарском, польском и русском языках</i>	327
<i>Громова М. М. (Москва). Особенности кластеризации клитик в современном словенском языке</i>	335

Рецензии

<i>Седакова И. А. (Москва). Новые достижения московской этнолингвистики, или Всё о славянском свадебном обряде</i>	347
<i>Косик В. И. (Москва). Болгарская книга о русской литературе</i>	352
<i>Сопильняк Ю. А. (Москва). История и повествование в сербском постмодернистском историческом романе</i>	356
<i>Шатько Е. В. (Москва). Философские основы романа М. Павича «Хазарский словарь»</i>	361

Хроника

<i>Дронов М. Ю. (Москва). Пятое заседание Комиссии историков России и Словакии. Международная научная конференция «Россия (Советский Союз) и Словакия на общих перекрестках истории»</i>	366
<i>Дронов М. Ю. (Москва). Международная научная конференция «Российская политика на евразийском континенте в современной истории»</i>	370
<i>Сведения об авторах</i>	373

Content

From Editorial Board 11

Plenary Session

- Melnikov G. P. (Moscow)*. Topicality of Cyrillo-Methodian and Medieval Themes in Modern Central-Eastern Europe 12
- Starikova N. N. (Moscow)*. National Identity of Slavic Literatures in the Age of Globalisation, Paradox of Post-Modernism 22
- Plotnikova A. A. (Moscow)*. Language as a Mirror of Popular Culture. Ethnolinguistic Questionnaires in the Fieldtrips 34

History

- Frolova M. M. (Moscow)*. Russian Consuls and the Bulgarian-Greek Confrontation in the Ecclesiastical Question and in the Field of School Education (Adrianople, Varna, Bitola, 1850s–1860s) 44
- Melchakova K. V. (Moscow)*. Diplomacy and Travelling in the Unexplored Slavic Lands, Aleksandr Gilferding and Aleksandr Ionin in the Employ of the First Russian Consulate in Sarajevo 61
- Aksenova E. P. (Moscow)*. Nikolai Dobrolyubov in Prague and the Students' Upheavals of 1860 (from Antony Florovsky's Unpublished Manuscripts) 74
- Galcheva T. N. (Sophia), Kovaliov M. V. (Saratov)*. «...In Order to Preserve, Collect and (in Good Time) Hand Over to the Posterity». Correspondence between A. M. Meshchersky and A. V. Florovsky (1956–1967) 84
- Sergeenko E. S. (Moscow)*. Interactions between Albanians and Serbs in Kosovo in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries 100
- Danilets Yu. V. (Uzhgorod)*. Concerning the Preparaton of the Second Máramarossziget-Process against the Greek-Orthodox Believers in Transcarpathia 110
- Gusev N. S. (Moscow)*. The Russians and the Bulgarians after the Balkanic Wars: the Mutual Dissapointment 123

Content

9

- Dmitriev D. G. (Moscow)*. Poles on Service in the Russian Imperial Army on the Eve of Wold War One (the Vector of Social Motivation) 134
- Subaev R. R. (Moscow)*. Turkey's Entry in World War One 142
- Pozdniakov E. I. (Moscow)*. The Yugoslav Idea in the Views of Sothern-Slavic Volunteer Soldiers in Russia 161
- Borisenok E. Yu. (Moscow)*. From Little-Russians into Ukrainians: the Bolshevik Strategy of Identification of National Affiliation 171
- Volokitina T. V. (Moscow)*. Bulgaria in the Foreign Policy of the USSR during World War Two 187
- Kimura K. (Tokyo – Budapest), Stykalin A. S. (Mosow)*. Hungary-Yugoslavia Relations from 1945 to the Spring of 1948: from Pacification to the Burst of a New Conflict 203
- Gladysheva A. S. (Moscow)*. Romania in the Warsaw Treaty Organisation: from Solidarity to Confrontation (1955–1965) 221

History of Culture

- Leskinen M. V. (Moscow)*. Travel-Notes of Poles in the Age of Sarmatism in the Context of Modern Studies on Travels/Travelogs in their Narrative Aspect 235
- Mashkova A. G. (Moscow)*. Man and History in the Slovak Prose of the 2000s (Exemplified by Pavol Rankov's Novels) 248
- Sozina Yu. A. (Moscow)*. Fundamental Studies on the Slovenian Literature in Modern Russia 258
- Fedorova M. S. (Moscow)*. To the Typology of Female Characters in the Literature of the First Half of the Eighteenth Century (on the Example of «The Story of Tsarevna Persik») 267
- Smirnova I. N. (Moscow)*. Female Characters in Recent Works of Bulgarian Literary Historians (an Overview of the Content, Themes, and Orientation) 275
- Agapkina T. A. (Moscow)*. Symbolism of Trees in the Traditional Culture of Slavs: Willow, Pussy-Willow, and Brittle-Willow (the Salix Genus) 283
- Valentsova M. M. (Moscow)*. Popular Beliefs about Snakes and Ophidian Demons in the Slovak Tradition 303
- Koval-Fuchylo I. M. (Kiev)*. Burial Laments: Magic and Expression of the Ritual (Eastern Slavic Tradition) 320

Linguistics

- Skalkina Ya. Yu. (Moscow)*. Semantic Classification of Neologisms
in the Bulgarian, Polish and Russian Languages 327
- Gromova M. M. (Moscow)*. Specific Features of Clitis-Clustering
in the Modern Slovenian Language 335

Reviews

- Sedakova I. A. (Moscow)*. New Achievements of the Moscow
Ethnolinguistic School, or All about the Slavic
Wedding-Ceremonial 347
- Kosik V. I. (Moscow)*. A Bulgarian Book about the Russian Literature 352
- Sopilnyak Yu. A. (Moscow)*. History and Narrative in Serbian
Post-Modernist Historical Novel 356
- Shat'ko E. V. (Moscow)*. Philosophic Foundation of Milorad Pavić'
Novel «Dictionary of the Khazars» 361

Chronicle

- Dronov M. Yu. (Moscow)*. The 5th Session of the Commission
of Historians of Russia and Slovakia. International Conference
«Russia (Soviet Union) and Slovakia at the Common Crossroads
of History» 366
- Dronov M. Yu. (Moscow)*. International Conference «Russian Politics
on the Eurasian Continent in Contemporary History» 370
- List of Contributors 377

От редколлегии

В мае 2014 года, в Дни славянской письменности и культуры, в Институте славяноведения РАН – в рамках традиционного форума «Славянский мир: общность и многообразие» – состоялась конференция молодых ученых. На пленарном заседании перед молодыми коллегами выступили ведущие сотрудники института. Работа конференции проходила в трех секциях («История», «Литературоведение», «Языкознание») под руководством опытных специалистов-славистов. Лучшие доклады печатаются в этом выпуске «Славянского альманаха».

В постоянных рубриках альманаха опубликованы работы отечественных и зарубежных авторов по актуальным проблемам славяноведения. В разделе «История» – статьи, посвященные истории дипломатии и Первой мировой войны, судьбам эмиграции, межгосударственных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе после Второй мировой войны и другим темам. В рубрике «История культуры» представлены исследования современных славянских литератур, в частности, литературных течений и наиболее ярких литературных произведений. В этом же разделе публикуются работы, посвященные проблемам этнолингвистики и изучения фольклора славянских народов. В рубрике «Языкознание» нашли отражение лингвистические проблемы славянских языков, рассматриваемые в сравнительном плане. Рубрика «Рецензии» знакомит читателей с новыми трудами отечественных и зарубежных авторов. В разделе «Хроника» дана информация о международных научных мероприятиях, в которых принимали участие сотрудники Института славяноведения.

Статьи в альманахе сопровождаются унифицированным справочным аппаратом, краткими аннотациями и ключевыми словами на русском и английском языках. В конце тома приводятся сведения об авторах, которые даются, как и содержание, также на двух языках.

Редколлегия надеется, что публикуемые в «Славянском альманахе» материалы будут способствовать дальнейшему всестороннему, углубленному изучению славянских народов, распространению и координации научных знаний о славянском мире, а также укреплению межславянских научных и культурных связей.

Agapkina T. A.

Symbolism of Trees in the Traditional Culture of Slavs: Willow, Pussy-Willow, and Brittle-Willow (the Salix Genus)

The article treats a mythopoetic concept of willow, which is represented by a complex of different, often contradictory meanings. On the one hand, willow as a symbol embodies the concept of quick growths, viral strength, and high regeneration qualities and is used among others in the productive magic. On the other hand, all these qualities are ascribed to the tree, which had been punished by infertility for its sins against Christ, and for this reason the «fructiferous willow» is an image of a wonder and at the same time an embodiment of fake, a formula of damnation and fond hopes.

Keywords: *symbolism, folklore, traditional culture, mythopoetics, willow.*

М. М. Валенцова
(Москва)

Поверья о змеях и змееподобных демонах
в словацкой традиции

В статье на основании опубликованных, архивных и полевых материалов собраны словацкие поверья о змеях и других мифологических персонажах словацкой демонологии, генетически или фенотипически восходящих к змею. Сделана попытка проанализировать отдельные группы персонажей и показать их единство в традиционной картине мира словаков.

Ключевые слова: *словацкий язык, демонология, картина мира, традиционная культура, фольклор, змей.*

Поверья о животных, в том числе о змеях, в славянских традициях полно описаны в монографии А. В. Гуры (Гура 1997). В книгу вошли также представления о мифологических ипостасях змеи (домашняя змея, король змей) и отчасти о змее как демонологическом персонаже, поскольку они тесно связаны с змеей-животным и обладают ее символикой. Как отмечал автор, все эти змеиные персонажи объединяют названия и родственные мифологические представления, а «символика змея в огромной степени вырастает из змеиной» (Гура 1997: 278). Несмотря на внушительный объем (911 страниц), монография не могла вместить весь материал о животных из всех славянских традиций. Можно расширить, например, словацкие представления о змеях и связанных с ними мифологических персонажах, что, с одной стороны, даст возможность сформировать цельный взгляд на змеиную тематику в словацкой народной культуре, а с другой – станет основанием для сравнения и сопоставления словацкой традиции с другими славянскими.

У словаков представлены почти все известные змеиные мотивы: поверья о полевой змее, о короле змей, о змеином камне; о домашней змее, о демоне-обогатителе в виде летающего змея (и в других ипостасях); о змее-любовнике; о погодном драконе *шаркане*. Почти все эти сюжеты имеют общеславянские параллели (кроме *шаркана*, поверья о котором распространены преимущественно на Карпатах). Не фиксируются в Словакии только поверья о змее – хранителе полей и угодий и о человеке-змее (*змай*), защищающем село от града, бытующие у южных славян.

Поверья о полевой/лесной змее. Змеи выходят из земли к дню св. Юрия (23.IV) и уходят в землю на зимовку на св. Варфоломея (24.VIII). Человеку не позволено без причины убивать змею, но и змея не должна кусать человека, иначе земля не примет ее на зиму, и она будет скитаться, пока не замерзнет (Стара Тура, окр. Н.М. над Вагом, з.-словац. – Turá 1983: 176); *keď niekoho uhryzne had, zem toho hada už viac neprijme do seba, ale sa musí túlať, kým nezamrzne* (Детва, ср.-словац. – Detva 1905: 204). Но если человек убьет такую змею, то возьмет ее грех на свою душу (Encyklopédia 1995: 158). В этих поверьях можно видеть осознание единства всего сущего (земля наказывает змею, укусившую человека), включая общую мораль, приписываемую, кроме человека, и животным (змея, кусая человека, совершает грех), что отражает антропоцентрический взгляд на природу.

Бытовало также убеждение, что человеку будет отпущено столько грехов, сколько змей он убьет. В первую очередь предписывалось убивать змей, появившихся «до срока»: если кто-нибудь увидит первую змею до Юрия и не убьет ее, змея отберет у человека счастье. С змеей, появившейся до Юрьева дня, связаны и гадания: если перед Юрием найдешь уже убитую змею, то весь год будешь нерасторопный, как неживой, а если найдешь полуживую змею, то ее надо убить, чтобы получить лекарство для глаз (Детва, ср.-словац. – Detva 1905: 204). Кожа, жир и другие части змеи использовались для лечения. Если убитой до Юрия змее отрезать голову монетой, то такая монета будет всегда возвращаться к хозяину (Encyklopédia 1995: 158).

Еще одним проявлением антропоцентризма в представлениях о мире являются **поверья о короле змей** (*kráľ hadov*)¹, на голове которого видели корону или гребешок. Змеиному царству приписывалась социальная иерархия. Если у волков, например, главным считался вожак, предводитель стаи, то по отношению к змеям употребляется термин *король* – по сходству гребешка или особой окраски на голове некоторых змей с короной, а также по цвету и величине змеи – обычно королем считалась большая белая змея². В западно-словацких диалектах короля змей называли «змеей с короной»: *had s korunkou*³. По поверью, если увидишь на дороге змею, у которой золотой гребень или крест на голове, следует его отстрелить или отрезать и носить при себе, тогда в любом деле будешь самым счастливым. При этом змея будет бить хвостом о землю, и от этого поднимется такой сильный ветер, что деревья будут вырывать с корнем, поэтому надо остерегаться, чтобы не погибнуть на том же месте (Dobšinský 1880: 105).

Змеиный король повелевает всеми змеями, открывает и закрывает пещеру, в которой зимуют все змеи (Encyklopédia 1995: 158). В Замагурье (сев.-вост. Словакия) королю змей приписывались сверхъестественные способности, умение говорить человеческим языком, обладание огромной силой. Выползок короля змей, по поверьям, обладает магической силой, его используют прежде всего пастухи-бачи, в том числе для поиска кладов (Blagoeva-Neumanová 1976: 67). Также верили, что у змеиного короля есть трава, которая открывает любые запоры и тушит пожар (Encyklopédia 1995: 158), а на Ораве (север средней Словакии) думали, что король змей мог помочь людям вылечиться (Бобров, окр. Наместово, соб. зап. 2009 г.). В восточной Словакии *krul' goduv* является хранителем кладов: он живет в скалах, под пнями, выделяется белым цветом, особым блеском глаз и красным гребнем или золотой короной. Во время опасности он издает резкий, пронзительный свист, который призывает на помощь всех змей в округе (Замагурье, окр. Кежмарок – Blagoeva-Neumanová 1976: 67).

Причинять вред королю змей нельзя – например, тому, кто уничтожит змеиное яйцо, он подожжет дом (Encyklopédia 1995: 158), того, кто убьет царя змей или его семью, ждет несчастье (Blagoeva-Neumanová 1976: 67).

Король змей мог и отомстить за обиду, и наградить за дружбу или за услугу. В одной быличке он оставил свою корону девочке за то, что она поила его молоком (Blagoeva-Neumanová 1976: 68)⁴.

Король змей громким свистом сзывает 13 300 (или другое количество) змей, и они вместе «выдувают камень» (*nafukujú kamienok*), называемый *hadi kameň* (Encyklopédia 1995: 158). Соединившись вместе головами, змеи «выдувают» камень (*kameň dujú*), называемый «змеиным» (*hadiaci kameň, hadi kameň*), который имел большую лечебную силу (Dobšinský 1880: 114). Когда много змей собиралось в одном месте под камнем, на Верхнем Погронье говорили, что они «выдувают камень» (*dmuchajú kameň*). Рассказывали также, что среди полевых змей есть одна главная, у которой корона на голове (Гельпа, окр. Брезно, ср.-словац. – зап. М. М. Валенцова, Е. С. Узенева, 2009 г.). Когда змеи *kameň dujú*, не советуют к ним приближаться, они могут напасть на человека. Камень этот (*hadaci kameň*), похожий на птичье яйцо, приносит счастье в суде, им также «глядят» скот, чтобы он был гладкий и круглый, а также используют для лечения (Детва, ср.-словац. – Detva 1905: 204). В быличках также рассказывается о живительном змеином камне, лизание которого утоляло голод

в течение года – и змеям, и случайно оказавшемуся в одной пещере с ними человеку (Прилепы, окр. Злате Моравце, з.-словац.)⁵.

Некоторые мифологические черты образа короля змей присущи и образу **домовой змеи**, например: способность приносить счастье, богатство; запрет убивать змею под угрозой несчастья и смерти; белый/серый цвет, иногда – гребень на голове⁶.

Практически по всей территории Словакии распространено убеждение, что в каждом доме есть своя «домовая» змея (*domáci had*, *hospodár*, *starý gazda*, *starý dedo*), белая, как молоко. В доме, где нет такой змеи, нет и счастья. Также широко распространена быличка о том, что домовая змея ела вместе с ребенком (с детьми) из одной миски молоко (чаще кашу с молоком), а ребенок, стукнув ее ложкой по голове, выговаривал: «Ешь и кашку, не только молочко пей». Когда хозяин убил эту змею, в течение недели умерли и его дети (см., напр., Detva 1905: 205).

Постоянное присутствие домовой змеи в доме (а также практическая польза от нее – уничтожение мышей и лягушек) способствовали отождествлению ее с хранительницей дома и семьи. Во многих славянских языках, в том числе в словацком, домовую змею называли также «хозяин»: словац. *hospodár*, *gazda*, *starý gazda*; карп.-укр. *газдовник* (Гура 1997: 45), пол. *gospodarz-wąż*, *gospodarczyk* (Санникова 1990: 251), чеш. *hospodář*, *hospodářík*, *had hospodář* (Климова 2000: 164), н.-луж. *góspodar* и *góspoza* (Černý 1898: 24), болг. *стопанка* (Георгиева 1993: 63). Кроме того, змея эта чаще всего была белого или серого цвета, что вызывало ассоциацию с сединой, стариком и с предком⁷.

В разных частях Словакии поверья о домовой змее варьируют лишь незначительно. В Западной Словакии ее называли (*domoví*) *gazda*, считали, что она охраняет дом и его обитателей (Брестованы, окр. Трнава – Slovník 1994: 484), *gazda* (Завада, окр. Топольчаны – АТ ÚEt, ч. 805). Присутствие ее в доме и на дворе, о котором она сообщала шипением, стуком о порог и т. п., было гарантией процветания дома и хозяйства. Ее уход означал распад семьи, а ее гибель предвещала смерть самого старшего члена семьи или детей (Encyklopédia 1995: 157–158). Убивать домашнюю змею (*domáci had*) нельзя, иначе счастья в жизни не увидишь (Тренчанска Турна, окр. Тренчин – АТ ÚEt, ч. 227). Это хозяин (*gazda*), хранитель дома, и его убийство привело бы к несчастьям для семьи (Омшена, окр. Тренчин – АТ ÚEt, ч. 227). Змея жила в углу или под порогом; если она вылезала оттуда, то это предвещало смерть хозяину дома (Крайне, окр. Мыява, з.-словац. – АТ ÚEt, ч. 205). Во многих семьях верят, что в их домах живет *biely had*, его называют *domácim hadom*. Если эта змея заболе-

ет, то заболеет вся семья. Там, где змея не водится, люди вымрут, не смогут там жить. Змея живет в дыре в стене и там стучит, а ночью и вечером свистит (*pišti*). По мнению некоторых, белая змея живет только в тех домах, где люди религиозные (Шинтава, окр. Трнава, з.-словац. – АТ ÚEt, ч. 228).

В Средней Словакии рассказывали, что домовая змея жила под первым камнем, на месте которого закладывали дом. Она оберегала дом от нечистой силы, несчастий. Убийство змеи означало бы смерть кого-либо из обитателей дома, пожар (Бобров, окр. Наместово, ср.-словац. – соб. зап., 2009 г.). В усадьбе, в амбаре, жила серая змея, говорили, что это *gazda*. Если ее убьешь, в доме пропадет весь скот (Поломка, окр. Б. Быстрица, ср.-словац. – АТ ÚEt, ч. 763). Змея живет около хлева; если ее убить, не будет вестись скот; для змеи специально оставляли в хлеву миску молока (Завадка, окр. Б. Быстрица, ср.-словац. – АТ ÚEt, ч. 763). Есть змеи, которые сосут молоко у коровы, – такая корова потом уже не приносит человеку пользы (Детва, ср.-словац. – Detva 1905: 204), но если змею убить, то падет и корова (Encyklopédia 1995: 158). Змея выходила из-под очага. Ее нельзя убивать, иначе умрет хозяин; детям она не вредит, ест с ними молоко из миски (Шумьяц, окр. Б. Быстрица, ср.-словац. – АТ ÚEt, ч. 763). *Bieli had* есть в каждом доме, но показывается только тому, кто должен в течение года умереть; если ее убьют, то умрет хозяин (Ладзаны, окр. Крупина, ср.-словац. – АТ ÚEt, ч. 803). В каждом доме в стене живет хранитель дома – *biely had*. Кто его убьет, в течение года умрет. Если змею убьют, умрет хозяин дома и будет гибнуть скот (Лишов, окр. Крупина, Гонт, ср.-словац.). «Один раз во дворе нашли обычную небольшую змею, убили ее, а в течение года сдохла корова» (Ломна, окр. Банска Штьавница, ср.-словац. – АТ ÚEt, ч. 799А). Змея жила в каждом доме, под порогом, в хлеву, во дворе, на навозной куче, была как хозяин (*domáci gazda*). По одним представлениям, она ничем не отличалась от других змей, по другим – была рябая, пестрая или *серая* (седая), как старый человек. Убийство змеи приводило к смерти хозяина дома (Гемер-Малогонт – Gemer-Malohont 2011: 370). Домашнюю змею нельзя убивать, иначе все хозяйство пойдет за нею (пропадет), это хозяин дома (*gazda*) (Дачов Лом, окр. Вельки Кртиш, ср.-словац. – АТ ÚEt, ч. 800А).

В Восточной Словакии домовую змею тоже называли *gazda* (Замагурье – Blagoeva-Neumanová 1976: 70), ее нельзя убивать, иначе погибнет корова (Велька Лесна, окр. Стара Любовня, в.-словац. – АТ ÚEt, ч. 790). *Domoví god* – домашняя змея, дух первого хозяина дома.

Появляется только после его смерти. Живет в каждом доме под порогом, под печью (Езерско), под столом (Остурня, В. Франкова), под порогом хлева. Всегда черная и с характерным неприятным запахом. Если запах от нее становится невыносимым, старались выгнать ее с помощью листьев ясеня, который змея не любит. Этот запах и стук, время от времени доносящийся из-под порога или из-за печи, служили доказательством ее существования в доме. Повсеместно считалось, что шипение, которое она издает, является предсказанием долгой жизни хозяина. Молчание и слабое шипение – знак близкой смерти кого-либо из домашних. Если убить домашнюю змею, хозяйство придет в упадок, будетдохнуть скот, умрет хозяин или хозяйка. Змея считается и охранительницей дома, и чем-то недобрым, но трогать ее нельзя. Поэтому запрещалось рубить дрова на пороге дома, хлева и в др. местах, где она может находиться (Замагурье, в.-словац. – Blagoeva-Neumanova 1974: 89–90).

Благодаря тому, что в домашней змее видели олицетворение души умершего предка, она трактовалась положительно, наделялась свойствами хозяина и хранителя⁸.

Этот в целом положительный образ развивался и трансформировался, подвергался рациональному осмыслению и этическим оценкам. Видимо, общая идея обеспечения богатства и благополучия дома конкретизировалась в идее о реальном приносе змееподобным помощником зерна, молока, денег; следующим этапом было рассуждение об источнике этих приносимых благ и утверждение в мысли, что они украдены у других (в духе народного понимания того, что ничто не появляется ниоткуда и не исчезает в никуда). При однозначно отрицательной оценке кражи как способа обогащения домовый дух неминуемо должен был превратиться в демона, черта. На другом полюсе подобных размышлений – магия получения такого демона-обогапителя, целенаправленного «выведения», «вынашивания» его при соблюдении целого ряда условий. Из попыток «оправдать» наличие демона-помощника отметим поверья о том, что последнего не обязательно выводить из яйца, его можно купить, найти во дворе, взять в дом из жалости, демона могут и подбросить.

Вместе с тем, для возникновения образа змея-обогапителя имелись и глубокие мифологические основания. Связь змеи с богатством, зарытыми кладами и другими благами проистекает из ее способности проникать в щели и норы, зимовать в земле, в целом из ее принадлежности к хтоническому миру. У словаков, как и у других

славянских народов, достаточно распространен мотив клада, пещеры, наполненной богатствами, которые охраняет змея.

Архаические славянские имена демона-обогапителя указывают на его змеиную природу: словац. *zmok, zmak, čmoch*, чеш. *zmek*, ген. ст.-чеш. *zemka*, морав. *smok, cmok, tmok, zmok*, пол. *smok, čmok, čmuk*, бел. *cmok*, болг. *smok*, рус. *smok* ‘змея’; из славянского – и лит. *smākas* ‘дракон’ (Machek 2010: 717).

В Словакии демон имеет много имен: ср.-словац. *zmok, škriatok, zbôžik, kosper*; з.-словац. *bôžik, rarášik, škriatok, kosper*, в.-словац. *džmil, džmij, džmil, čort* (Encyklopédia 1995: 350–351; Slovensko: 1028). Это гетероморфное существо, чаще всего имеющее вид мокрого черного цыпленка (народно-этимологическое сближение *zmok* со словом *zmoknutý* ‘мокрый’). Его присутствие в доме было гарантией процветания. Хозяину он носил деньги, зерно и другие богатства, выполнял любое желание хозяина. Получить его мог человек, который носил под левой подмышкой 7 (9, 13, 40 дней, 6 месяцев) первое (или последнее) яйцо от черной курицы (черного или 7-летнего петуха), при этом ему запрещалось спать, разговаривать, ходить в костел, молиться и умываться, пока цыпленок не выведется. Некоторые считали, что это было воплощение самого черта, которому хозяин должен был кровью подписать договор, что его душа после смерти попадет в ад.

Zmok и *zmak* – черный мокрый цыпленок, который много ест и таскает много денег. Пока он сам от работы не надорвется и не лопнет, избавиться от него невозможно. Иногда появляется в виде огненной цепи, спускается в дом через трубу и приносит деньги (Dobšinský 1880: 117).

Однажды хозяйка нашла на улице *zmoka* – цыпленка с длинными ногами, длинной шеей и светлыми выпученными глазами, он лежал в луже и отчаянно пищал. Она отогрела его на печи. Змок носил ей деньги, зерно, скот. Избавилась она от него тем, что задала ему тяжелую работу – наносить целый чердак пшеницы (которая через отверстие ссыпалась в подвал), отчего он лопнул (окр. Бановце-над-Бабравой, з.-словац. – Horváth 1968: 117).

По поверьям из Кленовца и Кокавы над Римавицей, змок вылупляется из последнего яйца старой курицы, в других селах – из любого яйца черной курицы, если его носить три недели под мышкой. В Гемерской Полуме считалось, что змок выскакивает из яйца, случайно найденного на дороге, если его ударили ногой. Он выглядел как черный всклокоченный цыпленок, ночью спал со своим хозяином, а днем хозяин должен был носить змока за пазухой. Змок носил

ему деньги и все, что тот ни прикажет. В Гемерской Полеме, чтобы избавиться от демона, освящали дом. В Нижней Сланой советовали купить на ярмарке, не торгуясь, платок, завернуть в него змока и положить на дороге. Кто поднимет платок, тот возьмет и змока. В Гочове советовали отнести змока к кресту на кладбище (Гемер – Малогонт – *Gemer-Malohont* 2011: 372).

У одной женщины был змок. Она дала ему наперник, чтобы он наносил в него зерна, потом дала мешок, чтобы он заполнил его деньгами. Змок не смог подняться с мешком на чердак и разлился дегтем (Шумьяц, окр. Брезно, ср.-словац. – *AT ÚEt*, §. 168). Из маленького куриного яйца вылуплялся змок, который носил своим хозяевам деньги и все, что они ни желали (Погорела, окр. Б. Быстрица – ср.-словац.). Первое снесенное курицей яйцо надо 24 часа носить под мышкой, и вылупится змок (Гельпа, окр. Б. Быстрица, ср.-словац. – *AT ÚEt*, §. 763). «*Zmok* – это какая-то курица, у одного нашего была такая – все яйца ему несла, и все, что он хотел, все этот змок ему приносил. Дочь у него уже третий дом собирается строить, и все у них хорошо, так говорят, что это змок им носит; а молока – и по два ведра от одной коровы таскала – откуда же иначе взять?. Змок носит зерно и все время питит, хочет только под мышкой ночевать. Змок приходил к тем, кто был богатый и счастливый; выглядел как черный цыпленок, но только ночью» (Завадка, окр. Б. Быстрица, ср.-словац.). Змока вынашивают 9 дней под мышкой, он живет под очагом, носит деньги хозяину (Шумьяц, окр. Б. Быстрица, ср.-словац.).

Один извозчик нашел на улице черного цыпленка, отогрел в доме, а тот человеческим голосом спросил, что ему надо и что принести. Но все боялись принимать от него дары и решили избавиться от него: по совету старого фурмана хозяин змока купил меру пшена, высыпал ее в самое быстрое место реки Ваг и приказал собрать все до зернышка (*Ondrejka* 1972: 148–149).

Zmak (В. Франкова), *žmok* (М. Франкова), *zmak* (Остурня), *zli duch*, *zvodžijos* (Сп. Ганушовце, В. Франкова) – маленький черный цыпленок, с которого капает вода. Выводится из яйца черной курицы, которое 4 недели (В. Франкова) или 9 дней носили под левой подмышкой, не крестясь, не молясь, а в Остурне и Езерске – не произнося ни слова. Вылупившийся змок ни на минуту не отходил от хозяина, с ним и ел, и спал (Езерско, В. Франкова). Он помогал в хозяйстве, выполнял желания, заботился о конях и скоте, носил деньги – работал за пятерых. Но после смерти он забирал душу хозяина себе, так как он злой дух, искуситель (*pokušičel*). Избавиться от него обычным способом

(выгнать, выбросить, утопить, сжечь, даже вместе с домом) невозможно, для этого применяли магию: надо было 9 дней не умываться, ни с кем не разговаривать, ходить на перекресток, а на 9-й день вскочить в костел двумя ногами сразу. Хозяин выполнил все это, и змок провалился в ад. Но после смерти хозяина и его туда утащил (Замагурье, в.-словац. – *Blagoeva-Neumanová* 1976: 95–96).

Zmok иногда показывался на дороге в виде черного мокрого цыпленка. Кто его возьмет домой, у того коровы будут давать много молока, *zmok* будет носить в дом зерно или деньги. «Тут у одной из Шунявы был такой цыпленок маленький за печью, он не рос, оставался цыпленком, но денег у них было – как сорной травы» (долина Горнада, окр. Попрад, в.-словац. – *Michálek* 1989: 283).

В доме, где был *zmak*, было богатство, потому что он приносил все что захочешь. Выглядел как ободранный мокрый черный цыпленок, который постоянно пищал. Находили змоков на болотах, в топях, мокрых местах (Ямник, окр. Липтовский Микулаш, ср.-словац. – *Zprávy* 1932: 27).

*Zmiňa*⁹ – существо, появляющееся из первого яйца черной курицы, которое 9 дней носят под мышкой, при этом говорят, что хотят вывести его, – тогда дьявол входит в это яйцо, приносит своему хозяину все, что он ни пожелает. Для избавления от него советовали купить на ярмарке, не торгуясь, платок, завернуть в него *zmiňu* (два конца завязать, а третий перекинуть), пойти на мост, бросить его в реку и бежать, не оглядываясь, домой. *Zmiňia* потом выскочит на того, кто первым пойдет через мост (Галиговце, окр. Стара Любовьня, в.-словац. – *Horváthová* 1972: 501).

Если у кого-то быстро начинает улучшаться и процветать хозяйство, говорят: *to preto, lebo na dvore im zmok sedí* [Это потому, что на дворе у них змок сидит] (*Machal* 1891: 156). Выражение «змок ему носит (богатство)» вошло в литературный словацкий язык: о том, кто, хоть и честно работая, очень заметно богатеет, говорят: *zmok mu nosí* (*Mičátek* 1900: 285).

Словацкий змок в виде цыпленка-обогапителя практически не имеет змеиных признаков, кроме имени. Его змеиная природа раскрывается через ипостась *змея-любownika* – хоть этот персонаж в целом для словацкой традиции не характерен.

В нарративах из Восточной Словакии о змоке рассказывали, что днем он сушился за печью, а ночью превращался в существо противоположного пола по отношению к своему хозяину, который должен был с ним спать (села долины Горнада, окр. Попрад, в.-словац. – *Michálek* 1989: 283).

В Западной Словакии дух-обогадатель *rarášek*, или *zmok*, посещал сельских ведьм в виде огненной цепи (*žiarivá reťaz*), шара (*ohnivá guľa*) или огненного змея (*ohnivý had*), он влетал в трубу для сексуального общения с ними и носил деньги; ведьмы должны были во всем его слушаться, потому что он давал им сверхъестественную силу (обл. Белых Карпат, з.-словац. – Bužeková 2009: 38).

В Средней Словакии верили, что змок может превратиться в мужчину или в женщину; если превратится в женщину, с ним должен спать мужчина, а если в мужчину – то женщина (Шумьяц, окр. Брезно, ср.-словац. – АТ ÚEt, č. 168). Змок, приносящий богатство, мог выглядеть как огненная цепь, как курица и как черт. Рассказывали, что он летал к одной женщине и мучил ее, отчего она очень похудела; спас ее муж, поймавший демона и закрывший его в бочке (Ладзаны, окр. Зволен, ср.-словац. – АТ ÚEt, č. 803).

В змееподобном черте одного повествования из области Замагурье угадывается змей-любовник, доводящий женщину до смерти: одна женщина страшно ругалась и прелюбодействовала. Когда муж узнал о ее поведении, она поклялась: *Že bi me ďabli vžali, kec to pravda* [Чтоб меня черти взяли, если это правда]. С тех пор каждую ночь ее посещал черт в виде змеи, вылезавшей из-под печи (Остурня), или в виде огненного шара (Езерско), потом он показался ей с рогами, копытами и хвостом. Женщина стала таять, худеть и попросила священника освятить ее дом. Однако когда она умерла, дьявол прилетел за ней в виде большой черной птицы и забрал ее душу в ад (в Остурне вообще дьявола представляли себе в виде змея) (Blagoeva-Neumanová 1976: 102–104).

Образ летающего змея-любовника сохранился в семантике слова *šarkaň* ‘летающий змей’, которое в современных в.-словац. говорах Шариша и Земплина обозначает серьезного ухажера, любовника (www.stofanak.sk).

Рассказы об **атмосферных демонах-змеях** в Словакии¹⁰ известны преимущественно в горных районах – на севере страны, в области Белых Карпат (з.-словац.), Западных и Центральных Бескидов (регионах Орава, Липтов, Верхнее Погронье (ср.-словац.), Подгуольно-Магурской гряды (Восточные Бескиды) в регионах Спиш и Шариш, спорадически в южных областях страны.

В большинстве случаев летающий змей¹¹ упоминается в связи с чернокнижником (*černoknažník*, *čiernokňažník*, *čarnoknižník*, *černokrižník*, также *chmurník*, *planetník*, *veterník*), ученым монахом, повелителем туч, грома и молнии. *Černoknažník* летает на драконе

(*šarkan*), питается только молоком от черной коровы и яйцами от черной курицы, которые просит у людей (Стара Тура, окр. Нове Место над Вагом, з.-словац. – Turá 1983: 175).

Слово *šarkan*¹² – заимствование из венгерского языка (венг. *sárkány* 1. дракон (в сказке); 2. змей (бумажный) – Венгерско 1987: 654), которое заменило исконное славянское *smok* (предположительно реконструируемое как **sъmьkъ* от **s-mykati se* ‘ползать’ – Machek 2010: 717).

Šarkan – олицетворение бури, его представляли в виде змея; о буре говорили, что это *šarkan preletel* [шаркан пролетел] (Dobšinský 1880: 116). В словаре Калалов *šarkan* (в.-словац., из венг.) – ‘сказочное существо, которое приносит летом бурю и гром, крылатый дракон’: *šarkan preletel*; ‘домовой хозяин (*hospodáriček*)’; *šarkanie mlieko* [молоко шарканя] (окр. Банска Быстрица, ср.-словац.) ‘самогон’, *šarkanový* = драконий (Kálal 1923: 669). О полегшей пшенице говорили, что ее змей хвостом прибил (*šarkan chvostom ušľuhau*) (Вышний Кубин, окр. Дольный Кубин, ср.-словац. – Nabovštiak 2006: 269). Согласно быличке, на Белианском [поле] в Дубраве [между городами Попрад и Прешов, в.-словац. – М. В.] тоже появлялся *had-šarkan*; потом пришел за ним чернокнижник и отвел его прочь. И в то лето все поле около Дубравы померзло, говорят, от этого шаркана. Когда он взмывает в воздух, все мерзнет. Старики рассказывают, что чернокнижник вызывает змея-шаркана по своей книге, а когда змей выйдет из пещеры, накидывает на него узду и правит в воздух, в жаркие страны, где люди кладут мясо шаркана по кусочку под язык, чтобы охладиться (Krásy 1928: 169). По рассказам из Оравы, люди видели чернокнижника, несущегося на драконе, и сразу начался град, и вода начала прибывать (Ломна, Орава – Nabovštiak 2006: 268). У шаркана (*šarkan*) широкий сильный хвост, которым он ломает верхушки деревьев. Когда он летит над деревней и звонят колокола, чернокнижник должен сказать, что это псы лают, иначе он бы уничтожил деревню (Гельпа, Погорела, окр. Брезно, ср.-словац. – АТ ÚEt, č. 763). В буре, сопровождаемой вихрем, *leti šarkan*, который звон колоколов считает лаем псов, и от страха обращается в другую сторону. Но в Бетлиаре, говорят, шаркан ударил огненным хвостом в звонницу, потому что, мол, использовали колокол, которым прежде звонили по самоубийце (Раковница, Гочов, Бетлиар, окр. Рожнява, в.-словац. – Gemer-Malohont 2011: 366). Один звонарь, когда звонил против бури, видел, как возле колокольни пролетает чернокнижник на шаркане (*čiernoknažník na šarkanovi*) (Брестованы, окр. Трнава – Slovník 1994: 250).

Чернокнижник повелевает бурей и молнией, там, где он ударит своим бичом, бьет гром, и на этом месте потом уже ничего не растет. Он летает на змее (*šarkaň*) с широким мощным хвостом, которым он сбивает верхушки елок. Пролетая над деревней, чернокнижник говорит шаркану, что это не колокола звонят, а собаки брешут, иначе бы змей все село уничтожил. Согласно одной быличке, однажды чернокнижник предупредил крестьян о надвигающейся буре; спрятавшиеся люди видели, как он шелкал своим бичом, и туда, где упал удар, бил гром. До сих пор на этом месте ничего не растет (Гельпа, Погорела, окр. Брезно, ср.-словац. – *Norehronie* 1974: 334; АТ ÚЕt, џ. 763). О шаркане вспоминали: «...такая тучка образовалась, маленькая, и мы четко видели, будто там был хвост, в том облаке. Ой, что потом началось! Град, все ломало <...> И это было так, будто этот змей (*had*) стегал своим хвостом. Ну, говорили, это вроде те старые змеи или что» (Ломна, окр. Б. Штъявница, ср.-словац. – АТ ÚЕt, џ. 799А).

В чернокнижнике как погодном демоне, образе, несомненно, позднем, у западных славян редуцирован в антропоморфном виде образ летающего дракона – повелителя туч, а порой он даже заменяет собой змея: например, рассказывали, что чернокнижник и сам мог *летать в черных облаках*, но чаще летал *на драконе*, жившем в пещере и выглядевшим как змей (Slovensko 1975: 1029). Есть сведения, что чернокнижник ходит по земле в виде черной коровы или черной курицы (ср. образ змея-обогатителя в виде черного цыпленка; мотив питания чернокнижника исключительно молоком от черной коровы и яйцами от черной курицы; мотив «тучи – говяда», рассмотренный Н. И. Толстым¹³), и если ему что-то не по нраву, он мстит, вызывая сильную бурю (Кисуцка долина, з.-словац. – *Sborník* 1923: 177).

Образ змея-шаркана включал в себя также мифологические мотивы, свойственные другим змееподобным существам. Несмотря на заимствованное имя, словацкий «погодный змей» сохранил в своем образе исконные славянские представления о змеях вообще. Например, у в.-слц. шарканов (*šarkaň*, *šarkaň*, *žiarkaň*) отмечено также значение «домовой» (Зайцева 1975: 125, 267), а *žiarkaň* – народно-этимологическое изменение имени в связи с *žiara* «блеск, зарево, сияние», что отсылает к образу змея, летающего в дома в виде огненной цепи или шара.

Интересные данные приводятся в рукописном словаре А. Лацкого, предположительно составленного в последней трети XVIII в. (Király 1957): это имена змея и связанные с ним словосочетания: *Šarkan*,

m, *Sárkany*, *Ssarkan*, *Draco* – *Senényes Sárkany*, *Hriwaty Šarkan*; *Sarkany fü*, *Šarkanowa Zelina*, *Draconitum*; *Sarkány kö*, *Šarkanowy kamen*, *Draconites*, *Kál.*, *Palk. sl.*, *Bern*, *Jg. sl.* < *mad. sárkány* ‘č. drak’ *Jg.* (Király 1957: 102), среди которых *Hriwaty Šarkan* ‘шаркан с гребнем’ заставляет вспомнить поверья о короле змей; *Šarkanowa Zelina* ‘шарканова трава’ – об особой «живой траве», которую король змей держит в пасти и с помощью которой можно оживить убитого (мотив, популярный в словацких народных сказках); *Šarkanowy kamen* ‘шарканов камень’ – о змеином камне, который «выдувают» змеи и который обладает лечебными и питательными свойствами.

Анализируя изложенный и не вошедший в статью материал, можно говорить о том, что народные верования видят в образах змей и змеев воплощение душ умерших, как «чистых» (домовая змея), так и «нечистых», «заложных» покойников – колдунов, самоубийц и т. п. Если душа предка обуславливает положительное значение мифологического персонажа, то грешная душа – вредоносный характер персонажей и, соответственно, их отрицательную оценку (змея-любовник, змея – предводитель непогоды), амбивалентный характер имеет змея-обогатитель (приносит богатство, но забирает после смерти душу в ад). Конечно, оценочный компонент при формировании мифологического образа стал возможным только с появлением морали и понятия греха.

На основе прослеживаемой общности мифических обликов змей и змея, их полифункциональности, отсутствия четких признаков, разграничивающих представления о разных персонажах, пересекающейся терминологии, представляется, что для словацкой, в целом для славянской культуры можно говорить об известном синкретизме всех змеиных образов, а возможно, и о вариантах единого мифологического образа, получающего «специализацию» в определенных национальных, временных и ареальных проекциях. Не последнюю роль здесь играют, помимо климатических и орографических, черты национального характера, иноэтнические влияния и заимствования.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АТ ÚЕt – Archív textov Ústavu etnológie SAV, Bratislava.

Blagoeva-Neumanová 1976 – *Blagoeva-Neumanová T. Ľudová démonológia na Zamagurí v kontexte a v koreláciách s démonologickými predstavami východných, južných a západných slovanov. Rigorózna práca* (Univerzita Komenského). Bratislava, 1976.

- Bužeková 2009 – *Bužeková T.* Nepriateľ zvnútra. Bratislava, 2009.
- Černý 1898 – *Černý A.* Mythiske bytosce lužiskich Serbow. Budyšin, 1898.
- Dobšinský 1880 – *Dobšinský P.* Prostonárodné obyčaje, povery a hry slovenské. Martin, 1880.
- Encyklopédia 1995 – Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. [Bratislava], 1995. T. 1.
- Gemer–Malohont 2011 – Gemer–Malohont. Národopisná monografia. Ján Michálek a kol. [Martin, 2011].
- Habovštiak 2006 – *Habovštiak A.* Oravci o svojej minulosti. Reč a slovesnosť oravského ľudu. Martin, 2006.
- Horehronie 1974 – Horehronie. Kultúra a spôsob života ľudu. Bratislava, 1974. Diel II.: Duchovná kultúra (*E. Horváthová*). S. 245–340.
- Horváth 1968 – *Horváth P.* Zbierka ľudových povier a zvykov z okolia Uhrovcu z roku 1825 // Slovenský národopis. 1968. № 1. S. 102–118.
- Horváthová 1972 – *Horváthová E.* Zo zvykoslovných a poverových reálíí na hornom Spiši // Slovenský národopis. 1972. № 3. S. 484–503.
- Kálal 1923 – Slovenský slovník z literatúry aj nárečí (slovensko-český diferenciálny) na základe slovníkov, literatúry aj živej reči spracovali Kar. Kálal a Mir. Kálal. Banská Bystrica, 1923.
- Király 1957 – *Király P.* Latsny Adamus: Dictionarium saec. XVIII // Studia Slavica Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest, 1957. T. III. № 1–4. S. 59–111.
- Kott 1878 – *Kott F. Št.* Česko-německý slovník. Praha, 1878. D. 1.
- Kováč 1998 – *Kováč M.* Ostrá hora plná mora a iné príbehy ľudovej viery a mágie zo severu Bielych Karpát // Hieron. Religionistická ročenka. III. 1998. S. 144 – 183.
- Krásy 1928 – Krásy Slovenska. Roč. VII, 1928.
- Kropej 2008 – *Kropej M.* Od Ajda do Zlatoroga. Slovenska bajeslovna bitja. Celovec; Ljubljana, 2008.
- Máchal 1891 – *Máchal H.* Nákres slovanského bájesloví. Praha, 1891.
- Machek 2010 – *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Foto-reprint podle 3. vydání z roku 1971. Praha, 2010. S. 717.
- Medvecký 1905 – *Medvecký K. A.* Detva. Monografia. Detva, 1905.
- Mičátek 1900 – *Mičátek L. A.* Diferenciálny Slovensko-Ruský slovník s troma prílohami a skrátena mluvnica slovenského jazyka s krátkym úvodom / Sost. L. F. Mičátek. Turč. Sv. Martin, 1900.
- Michálek 1989 – *Michálek J. a kol.* Ľud hornádskej doliny (na území Popradského okresu). Košice, 1989.
- Ondrejka 1972 – *Ondrejka K.* Rozprávnia spod Slatína. [Bratislava, 1972.]
- Slovník 1994 – Slovník slovenských nárečí. Bratislava, 1994. D. 1.

- Sborník 1927 – Sborník Matice Slovenskej pre jazykozpyt, národopis, dejepis a literárnu históriu. Roč. V. Martin, 1927. Sošit 3–4. S. 61.
- Turá 1983 – Stará Turá. Štúdie o histórii, ľudovej kultúre a nárečí / Zost. Ján Michálek. Bratislava, 1983.
- Zprávy 1932 – Zprávy Liptovského múzea / Zodp. red. I. Houdek. Ružomberok, 1932. № 3.
- Валенцова 2012 – *Валенцова М. М.* Словацкие поверья о шарканах – крылатых змеях // Живая старина. 2012. № 1. С. 32–33.
- Венгерско 1987 – Венгерско-русский словарь. Magyar-ország szótár. Москва; Будапешт, 1987.
- Власова 1995 – *Власова М.* Новая абевега русских суеверий. Иллюстрированный словарь. СПб., 1995.
- Георгиева 1993 – *Георгиева И.* Българска народна митология. Второ переработено и допълнено издание. София, 1993.
- Гура 1997 – *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Демич 1912 – *Демич В. Ф.* О змее в русской народной медицине // Живая старина. СПб., 1912. С. 39–60.
- Зайцева 1975 – *Зайцева Н. И.* Мифологическая лексика в чешском и словацком языках. Дисс. канд. филол. наук. Минск, 1975.
- Климова 2000 – *Климова Д.* *Hospodářik* в поверьях чешского народа // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000. С. 162–176.
- Санникова 1990 – *Санникова О. В.* Польская мифологическая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении. Дисс. канд. филол. наук. Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1990.
- Черепанова 1983 – *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Названия «король» или «царь» известны и др. славянским языкам: бел. гомел. *царь-вуж, кароль вужоў*, пол. *król węzów*, карп.-укр. *гядячий цар*, словен. *kačja kraljica*, болг. *змейски цар*.
- 2 Белым царя змей считают также арх. поморы (Гура 1997: 293) и словенцы: *bela kača (kačja kraljica)*. Рус. белая змея – старшая над змеями, хранительница кладов. Убивший такую змею получает возможность видеть клады и сокровища (арханг. – Власова 1995:

- 53) повелевает всеми змеями и владеет всеми подземными кладами. Ключом от клада является ее корона, золотое яблоко, бриллиант или змеиный камень (*kačji kamen*), который также называется *žilštajn, žilštan* (< нем. Silstein 'алеврит') (Кропей 2008: 167).
- 3 То же название находим и у чехов и мораван: *had s korunkou* (Kott 1878: 402; Зайцева 1975: 227; Kováč 1998: 267).
- 4 [Раз девочку, которая ходила за молоком на *салаш* (горные пастбища), встретил белый король змей с короной на голове и попросил молока. Девочка напоила его. Потом он стал появляться каждый день, и девочка приносила домой менее половины кувшина. Тогда бача (главный пастух овец) решил проследить за ней. Увидев змею, он хотел убить ее, но та скрылась в норе, оставив девочке свою корону, которая дома превратилась в золото. А бача потом сломал ноги и остался на всю жизнь хромым. Это была месть змеиною короля] (Мала Франкова, Остурня, окр. Кежмарок, в.-словац.). Поверья о царе змей бытовали и у русских: «И у нашего народа сохранились следы почитания змей, имеется сказание о змее-царице с золотой короной на голове, приносящей человеку счастье и богатство» (Демич 1912: 41).
- 5 См. в собрании мифологических рассказов С. Цамбела: «Жил один бедный человек и были у него малые детки. <...> Когда он пришел в лес, упал в расщелину, в которой были две большие змеи. <...> Когда змеи проснулись, пошли камень лизать. И он уже был очень голоден, поэтому и он пошел и тоже лизал тот камень. И так он наелся, как будто все на свете ел. Когда нализался, опять пошел на свое место. И был он в той пещере целый год. Когда прошел год, пришел к скале чернокнижник и говорит тому человеку: «Первую змею пропусти, когда она вон пойдет, а когда вторую буду “вычитывать”, обкрути ее хвост вокруг руки, чтобы ты не упал назад, иначе ты пропадешь от голода, потому что то, что ты лизал, пропадет». Когда чернокнижник вытянул наверх того человека, ударил этих змей уздой, и они превратились в коней. На одного сел чернокнижник, на другого тот бедняк, и полетели они под облаками, а когда пролетали над деревней, бедняк сказал, что это лес, – чтобы чернокнижник ее не уничтожил, потому что он на села гневается, а на лес нет. Чернокнижник принес бедняка прямо к его дому... (Мара Мала, 60 лет, родом из Прилеп, почти 45 лет прожила в Немчинянах в Текове, 16.05.1903. Polívka V, 184 – 185) (http://zlatyfond.sme.sk/dielo/903/Czambel_Slovenske-ludove-rozpravky-/15#ixzz2xZmhsNgd). Мотив встречается в польских, украинских и белорусских сказках,

- а также в хорватских поверьях; былички о змеином камне называют гуцулы – см.: Гура 1997: 321, 340.
- 6 На Верхнем Погронье (ср.-словац.) домашнюю змею считали душой первого хозяина, умершего в новом доме; она появлялась из-под очага, где жила, в виде седой (белой) змеи, по мнению некоторых – с гребешком на голове, а за нею тянулось голубое пламя (Horehronie 1974: 334).
- 7 Ср. аналогичные представления о ласке: «горностаи как особая белая ласка (серб.-хорв. *бијела ласица, бијелоласица*), ставшая в старости белой или седой...» (Гура 1997: 47).
- 8 У словенцев, например, душа могла вселяться не только в домашнюю, но и в полевую змею, ср. запрет убивать большую черную змею (фурл. *incjesine*, рез. *linčeža*), которая встретится на дороге, который мотивировался тем, что в ней – дух умершего (*Ne ubijajte kač, to so dušice*) (Резия и Фурландия – Кропей 2008: 171–172).
- 9 Ср. словен. названия змаја: *zmin, zmij...* (Кропей 2008: 176).
- 10 См. подробнее: Валенцова 2012.
- 11 По словацким поверьям, крылья вырастают у змеи, которую никто не видел семь или девять лет (Encyklopédia 1995: 158). Это свойство приписывается и другим животным: мышь, которая проживет семь лет, превратится в летучую мышь; через семь лет у муравьев появляются крылья (Стара Гура, окр. Нове Место над Вагом, з.-словац. – Turá 1983: 176). Об этом мотиве у славян см. подробнее: Гура 1997: 298–300.
- 12 Термин известен также в карп.-укр. *шаркань*, лемк. *шаркан* (Гура 1997: 286, 289, 291–293), пол. *siarkań, szargan* (Санникова 1990: 265, 267), болг. банат. *шаркане*, пл. (Гура 1997: 289). В чеш. и морав. *šarkan* 'дракон' – заимствование из словацкого (Зайцева 1975: 266).
- 13 Толстой Н. И. Очерки славянского язычества. М., 2003. С. 253–266.

Valentsova M. M.

Popular Beliefs about Snakes and Ophidian Demons in the Slovak Tradition

In the article based on published, archival and field-research sources, Slovak popular beliefs about snakes and other mythological characters of the Slovak demonology, which genetically or phenotypically go back to the serpent, are collected. An attempt is made, to analyse certain groups of characters and show their unity in the traditional world picture of the Slovaks

Keywords: *Slovak language, demonology, world picture, traditional culture, folklore, serpent.*